

Попова Ирина Михайловна,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой «Русская филология» ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов

kafedraruss@mail.ru

Глазкова Марина Михайловна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русская филология» ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов

rusfilol37@mail.ru

Функциональность библейского интертекста в романе Захара Прилепина «Обитель»

Аннотация. В статье рассматривается функциональность библейских образов в романе Захара Прилепина «Обитель», выявляется смысл сопряжения прямого цитирования и асимметричного варьирования евангельского интертекста, доказыва-ется, что с помощью аллюзий, реминисценций, интерпретаций сюжетов из Ветхого и Нового Заветов автор-повествователь выражает поэтико-аксиологическое со-зерцание произведения, дает оценки персонажам, показывает глубину духовного кризиса 1920-х гг., приведшего российский народ к катастрофе, определяет пути выхода из «крошечной тьмы» эпохи гражданских войн, голода и распада.

Ключевые слова: библейский интертекст, интертекстемы, аллюзия, реминис-ценция, функциональность, выражение авторского сознания, сюжетные интерпре-тации, симметричное и асимметричное варьирование интертекстом.

Раздел: (05) филология; искусствоведение; культурология.

Роман Захара Прилепина «Обитель» (2015) теснейшим образом связан с биб-лейским интертекстом, поскольку в нем речь идет о трансформации русского тысяче-летнего православного мировоззрения в «воинствующий атеизм», ставший причиной духовной катастрофы XX в. К сожалению, в недавно появившейся статье Анны Жуч-ковой «О романе «Обитель»» на эту важнейшую проблему даже не указано [1].

Можно сказать, что роман «Обитель» представляет собой художественную ил-люстрацию к евангельскому тексту, выраженному словами Апостола Иакова: «Откуда у вас вражды и распри? Не отсюда ли, от вожделений ваших, воюющих в членах ва-ших? Желаете – и не имеете; убиваете и завидуете – не можете достигнуть; препира-етесь и враждуете – и не имеете» [2, Иак. 4: 1–3].

Это высказывание расшифровывает причину и смысл несчастий, свалившихся на узников Соловецкого лагеря, который символизирует всю Россию, прошедшую че-рез горнило революционных мятежей первых десятилетий XX в. «Убиваете и завиду-ете, препираетесь и враждуете» – это относится к каждому персонажу, от начальника СЛОНа Эйхманиса до «мелкого мужика Филипка». Все несут одинаковую вину за свои «тяжкие грехи», но почти никто, кроме священников, не понимает этого.

Русский интеллигент «из бывших», оказавшийся «богомольным палачом», Васи-лий Петрович говорит Артёму о неосознанном грехе гордыни: «Всех сюда же и поса-дят. И здесь же и зароят. Тут Бог близко. Бог далеко от себя пропащих детей не от-пускает. Этот монастырь не отпускает! Никогда! <...> Этот монастырь – он же с зу-бами! Ты видел его сторожевые башни? Они же каменные клыки! Он передавит всех, кто возомнил о себе!» [3, с. 394].

Условимся различать следующие типы интертекстем:

а) симметрично варьируемые (используемые в первичном смысле);

б) асимметрично варьируемые (применяемые в измененном до антиномического смысле [4].

В качестве дефиниции мы применяем в статье понятие интертекста Н. А. Кузьминой: «Интертекст – это объективно существующая информационная реальность, являющаяся продуктом творческой деятельности человека, способная самогенерировать по стреле времени» [5]. Интертекстема обычно «устанавливает параллелизм обычного хода игры и течения жизни персонажа» [6].

Среди функций, которые выполняют интертекстемы, в статье выделяется «использование семантической ёмкости языковых символов, которые уходят корнями в древнюю мифологию и библейские тексты» [7]. В понятие «интертекстема» входят такие виды цитаций, как аллюзия, реминисценция, варьирование сюжета или образа, имена библейских персонажей, символика и др. [8]

Приведённый выше евангельский варьированный интертекст представляет собой слова владыки Иоанна, который уверен, что Соловки – это проявление воли Божией: «А ведь не одни невинные здесь собрались, верно? Всякий про себя думает, что он точно невиновен – да не каждый себе признается, с какой виной он сюда пришёл. У одного – злохулильные слова, у другого – воровские бредни, у третьего – иная великоважная ошибка» [3, с. 145]. Он рассказывает о святом Савватии – основателе монастыря, которому было намного труднее, чем лагерникам, а он был менее греховен: «А жил, старался! А мы что? Только обиды и сердечное смятение, вместо того, чтобы покаяться – и если не за те грехи, что вменили нам неразумные судьи, так за другие» [Там же]. Владыка Иоанн передает точно, без искажений, евангельскую истину, выраженную героем Ф. М. Достоевского словами «Все за всех виноваты» [9].

Более точно истину о вине приводит «боец Сивцев». Безвинно попав в карцер, он говорит: «За свой грех не всякий раз накажут, можно и за чужой пострадать» [3, с. 487].

Если Дмитрий Карамазов сознательно пошел на каторгу, поняв всеобщую вину и греховность человечества, чтобы очиститься страданием, то персонажам Прилепина надо сначала принять невероятные мучения, чтобы осознать на пороге смерти Истину. Отец Иоанн долго «увещевал» центрального героя произведения, приводя точные евангельские цитаты: «Церковь – человечество Христово, а ты вне церкви, ты Сирота, – тихо говорил владычка Иоанн. – Верующий во Христа и живущий во Христе – богочеловек. А ты просто человек, тебе трудно» [Там же, с. 317]. Артём слушал, и «голова его очищалась, как луковица – слой за слоем... и сначала было легко, всё легче и легче, как будто он научился дышать всем существом сразу, и всё вокруг стало прозрачнее... но одновременно нарастала тревога: что там, внутри у него, в самой сердцевине – что» [Там же]. Артём боится, что там «извивается червь» [Там же]. И оказалось, что это было действительно так. В душе стоял мрак язычества, поклонение идолу плоти, пока не пришел лютый час смерти.

«Бывшие» священники интерпретируют Библию в силу своей веры и догм православия, соблюдая точность, даже если цитаты приводятся по памяти. Они следуют согласному мнению святых отцов. Так, отвечая на провокационные вопросы бывшего белогвардейца Мезерницкого, о. Иоанн быстро парирует, приводя выдержки из библейского текста. Его не возможно «сбить». А отнять твердую веру во Христа распятого нельзя, даже если его физически уничтожить. Одна евангельская цитата звучит из уст трех персонажей трижды. А в финале воплощается в реальность «подвига» главного героя.

Первый раз цитату произносит о. Иоанн, отвечая Мезерницкому. Речь идет о соборной душе России в контексте страданий первохристиан.